

ИЗ «ВЕЧНОГО ИЗГНАНИЯ»

О ПЕРЕНЕСЕНИИ ПРАХА ОГАРЕВА НА РОДИНУ.
СТРАНИЦЫ ПУТЕВОГО ДНЕВНИКА 1966 г.

Сообщение С. А. Ма к а ш и н а

...Итак, мы едем в Англию. Мы — это писатель В. Г. Лидин и автор этих строк. Наша миссия — она осуществляется по поручению Союза писателей СССР — принять в Лондоне и Гринвиче участие в церемониях, связанных с перенесением в Советский Союз, в Москву праха Николая Платоновича Огарева. Приговоренный императором Александром II к «вечному изгнанию», он долго жил и умер на чужбине.

Подготовка к этому событию большой исторической поучительности и общественного значения велась долго и в Москве, и в Лондоне. И все же по ряду причин мы опаздывали к последнему из назначенных английскими властями сроков эксгумации. Этим последним сроком было 17 февраля. Но нелетная погода, сильная метель, на двое с половиной суток задерживает нас в Шереметьевском аэропорте.

Мы вылетаем лишь 19 февраля днем. Часа через три наш ТУ-124 проходит над Копенгагеном, пересекает Северное море и, еще находясь над ним, начинает снижение... «Пробиты» один, другой, третий слой облаков, и под нами открывается английская земля. Первое, что сквозь иллюминатор схватывает глаз, — яркая зелень лугов, красные скопления домов, белые полосы морского прибоя — контуры юго-восточной части британского острова...

Вот и бетон лондонского аэродрома Хитроу, говорят, крупнейшего в мире. Выходим. Здесь еще ранний вечер — разница с Москвой во времени три часа. Влажный морской воздух, весеннее небо, тепло, 15°. Нас встречает первый секретарь посольства В. И. Кузнецов. На его машине едем — длинным тоннелем, проложенным подо всем аэродромом, — в город. Останавливаемся в небольшом старинном, очень уютном «Embassy Hotel». Это № 150 по длиннейшей Bayswater Road. Напротив Кенсингтонский сад, сливающийся в единый зеленый массив с Гайд-парком. Наискосок — наше консульство. За первым поворотом — знаменитая Private Road — Частная улица, въезд в которую охраняется привратником в длинном сюртуке и цилиндре. На Private Road находятся посольство СССР и посольства еще доброго десятка стран. Совсем близко от нашего отеля улица Westbourne Terrace. На ней — старинная готическая церковь св. Троицы, а рядом отлично сохранившийся двухэтажный дом с «аттиком». Это Orsett House — один из наиболее известных лондонских адресов Герцена и Огарева. В «Орсетовке» — как на московский лад звал этот дом Герцен — он и Огарев жили в 1860 — 1863 гг.

На утро следующего, воскресного дня — 20 февраля, хотя это и был нерабочий день, нас приглашает к себе временный поверенный в делах СССР в Великобритании В. М. Васев (посол тов. Смирновский в связи с визитом в нашу страну английского премьер-министра Г. Вильсона только что вылетел в Москву). У него происходит совещание, на котором обсуждается программа предстоящих церемоний. Всеми делами, связанными с выполнением миссии нашей поездки, уже давно занимается второй секретарь посольства, заведующий Консульским отделом С. К. Рощин. Занимается он ими и теперь.

Кроме него, разнообразную помощь и содействие оказывают нам также советник посольства В. Н. Софинский, секретари посольства В. М. Чубаров, В. И. Воцанкин и упомянутый уже В. И. Кузнецов, а также представители советской печати в Лондоне — О. Орестов («Правда»), С. Иванов (ТАСС), Л. Костенко и Н. Яковлева (АПН).

ДОМ, В КОТОРОМ ОГАРЕВ ПРОВЕЛ ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ

Гринвич, Ашбёрнем-роуд (плэйс), № 35

Фотография, февраль 1966 г.

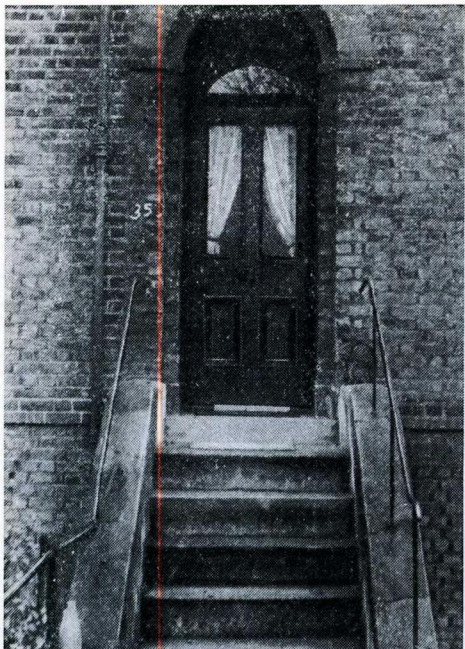
Архив «Литературного наследства», Москва

Главная наша забота в первые часы и дни пребывания в Лондоне — удовлетворить поступившие и поступающие от английской прессы, радио и телевидения просьбы снабдить их необходимыми справочными и фотоиллюстративными материалами об Огареве. Пишем небольшие статьи, заметки, тексты информационных. Они тут же переводятся на английский и рассылаются по назначению.

Ч е т в е р г 24 ф е в р а л я... День эксгумации и кремации останков Огарева. Все работы и церемонии осуществляются с высокой торжественностью и замечательной организованностью фирмой «Royal Arsenal Co-operative Society», возглавляемой г. Хокинсом. В 9¹/₂ часа утра на четырех машинах едем в Гринвич. Машину нашей делегации сопровождает представитель фирмы, ее сотрудник по связям г. Хэлливелл. В нашей же машине едет д-р Моника Партридж — английская специалистка по Герцену и Огареву. Она читает в Ноттингемском университете курсы истории русской литературы и русской общественной мысли.

Гринвич, или Гринич по английскому произношению, — один из столичных округов в восточной части Лондона, на правом берегу Темзы. Мы едем через Ист-Энд — район рабочих, докеров, район лондонских «кокни», мимо мест, где жил Диккенс и его герои. По пути проезжаем Вулвич (Вулич). Одна из улиц здесь называется «Царская». Это в память о посещении знаменитого местного арсенала Петром I.

На кладбище Shouter's Hill нас уже ждут, и не только представители администрации и фирмы «Royal Arsenal...» Хотя нам говорили, что церемония эксгумации будет закрытой, нас встречает довольно много корреспондентов и фоторепортеров. Они берут у нас несколько коротких интервью. В тот же день вечером и на другой день они появляются в лондонских газетах и будут переданы по радио и телевидению.

ВХОД В ПОСЛЕДнюю КВАРТИРУ ОГАРЕВА

Гринвич

Фотография, февраль 1966 г.

Архив «Литературного наследства», Москва

Могила Огарева находится недалеко от входа, по левой стороне главной аллеи, у самого края ее.

В 1877 г. после похорон Огарева старшая дочь Герцена, Наталья Александровна, приезжавшая в Гринвич, писала в Россию: «Место я сама выбрала... Гора и свободный хороший вид на все стороны». Сейчас, почти через девяносто лет, это описание уже не очень верно передает то, что видишь. Кладбище сильно «заселилось». Но «гора» — высокий холм — осталась. Сохранился и «хороший вид», хотя и не очень-то «свободный» теперь.

По английскому закону или обычаю эксгумация производилась ночью. К нашему приезду могила уже была вскрыта. Деревянный гроб Огарева (из вяза) был совершенно цел. Лишь тонкая серебряная пластина надгробия с именем и датами жизни и смерти Огарева местами проржавела, и выпавшие куски затерялись в земле. По нашей просьбе пластина была снята. Она будет передана нами в московский Музей Герцена. Мы берем с могилы несколько горстей земли, чтобы смешать их с пеплом останков Огарева.

Гроб поднимают из неглубокой могилы цепями и краном, вкладывают в новый

гроб бóльших размеров и переносят его в машину-катафалк. Процессия направляется к местному крематорию. Машину с гробом и цветами, доставленными накануне самолетом из Ниццы, провожает эскорт из четырех служителей.

Они идут в торжественно-траурном параде своих длинных черных сюртуков и цилиндров...

После начала кремации, сопровождавшейся органной музыкой Генделя, все официально присутствовавшие на церемонии лица приглашаются на ленч к мэру Гринвича г. У. Бруксу. Нас предупреждают, что мэр очень занят и прием продлится не более получаса. В действительности ленч затягивается до двух с половиной часов. И это отнюдь не по вине гостей. И сам мэр, и члены Городского совета Гринвича проявляют большой интерес к событию и задают нам много вопросов об Огареве — когда-то жителе их города, о котором они ничего не знают. Мэр сообщает о решении администрации кладбища Shouter's Hill удовлетворить нашу просьбу и сохранить навечно могилу Огарева как знак связи его биографии с Гринвичем, с Англией. Он добавляет, что надгробие из белого камня, поставленное в 1878 г. старшей дочерью Герцена, будет реставрировано и на нем будет высечена дополнительная надпись о состоявшемся в 1966 г. перенесении праха русского поэта, революционера и публициста на его родину *. Нам показывают регистрационные книги Гринвича 1877 и 1878 гг. с записями о смерти и похоронах Огарева и об установлении надгробия на его могиле. Записи эти — нам тут же вручают фотокопии с них — представляют определенный интерес для биографии Огарева. В свою очередь мы преподносим мэру старинную фотографию

* Обещание выполнено. Через два месяца после нашей поездки из Гринвича пришло официальное известие, что могила Огарева реставрирована и на плите-памятнике в дополнение к прежней надписи высечен следующий текст (на английском языке): «В четверг 24 февраля 1966 г. останки Николая Огарева были эксгумированы и кремированы. После гражданской панихиды в Посольстве СССР прах Н. Огарева 1 марта 1966 г. был торжественно доставлен на его родную землю».

1878 г., на которой изображена Мери Сатерленд, сидящая у могилы Огарева. Нам обещают произвести в Гринвиче и Лондоне поиски материалов об этой женщине, с которой долго (с 1859 г.) была связана личная жизнь Огарева, образ которой отразился в его поэзии, на руках у которой он умер, но о которой мы очень мало что знаем. Прием заканчивается речами представителя советского посольства С. Рощина, мэра У. Брукса и отвечающего ему С. А. Макашина.

После приема мы вновь направляемся в крематорий. Здесь нам вручают отличную из бронзы урну с пеплом только что кремированных останков Огарева. Урна вместе с цветами устанавливается в нашей машине на специальной подставке...

На обратном пути в Лондон мы заезжаем на улицу в Гринвиче, на которой жил Огарев. Это бывшая Ashburnham Road, а теперь Ashburnham Place. Первоначальная информация, полученная в Лондоне, о том, что все старинные дома на этой улице уничтожены гитлеровскими бомбами, оказалась неверной. Напротив того, как нам сообщает сопровождающая нас по поручению мэра сотрудница архива Городского совета Гринвича и местная жительница, улица почти полностью сохранила тот вид, какой она имела в 70-е годы прошлого века. Сохранилась и тогдашняя нумерация домов. Мы сразу же находим и фотографируем дом № 35, в котором прожил свои последние годы и умер Огарев. Посещаем мы и Greenwich Park (через него «проходит» нулевой Гринвичский меридиан) — любимое место прогулок Огарева. Он находится всего в 5—7 минутах ходьбы от его дома. «Парк бесподобный, — писал Огарев П. Л. Лаврову, — и уединением моим я совершенно доволен...»

...Из Гринвича возвращаемся в Лондон. Едем долго — часы пик. Город уже весь в вечерних огнях. В самом большом зале посольства, освобожденном от мебели, сооружен постамент с большим портретом Огарева. На постамент мы поставили урну, а внизу — ящичек с гринвичской землей. Кругом цветы. Почетный караул несут В. Лидин, С. Макашин, сотрудники посольства, члены советской колонии в Лондоне. В зале звучит музыка Баха, Бетховена и Шуберта — любимых композиторов Огарева.

Пятница 25 февраля. Днем, в 3 часа, в посольстве специальный прием — reception — по случаю «огаревских дней» в Лондоне. На приеме присутствуют представители английской общественности, литературы и науки, корреспонденты английской печати, радио и телевидения, сотрудники посольства, члены советской колонии в Лондоне. Митинг открывает временный поверенный в делах СССР в Великобритании В. М. Васев. Затем выступает С. А. Макашин. Он произносит Слово об Огареве:

«Уважаемые дамы и господа!

Дорогие товарищи!

Сегодня здесь, в посольстве Советского Союза в Великобритании, продолжают начавшиеся вчера в Гринвиче церемонии необычного характера, исполненные большого общественного значения и глубокой исторической поучительности.

На землю своей Родины возвращается из Англии прах Николая Платоновича Огарева, выдающегося русского революционного демократа, поэта и публициста, друга и соратника великого Герцена.

Имя Огарева несомненно мало что говорит англичанину. Да и у нас в России, в Советском Союзе, оно не принадлежит к ряду громко известных. И все же это одно из наиболее славных и благородных имен русского прошлого.

Позвольте, по необходимости кратко, познакомить вас с этим человеком, дать общее представление о его личности, жизни, деятельности.

Николай Платонович Огарев родился 6 декабря 1813 г. в Петербурге. (Здесь уместно заметить, что надпись, высеченная на могильной плите Огарева в Гринвиче, сообщает неправильные сведения о месте и годе его рождения.)

Сын знатного вельможи и одного из богатейших помещиков России, Огарев порвал с родным ему по крови дворянским классом и стал одним из тех замечательных людей нашей демократии XIX в., которые отдавали все силы борьбе с тем ужасным злом, которым со всех сторон была объята тогдашняя русская дей-

22 The Mercury, February 25, 1966.

... more eloquent than words!

Flowers
by
HIT 2245
FLOWER BY ANDREW, 1st MURRAY GREEN, CATFORD
BIRTHS, MARRIAGES.

DAILY MAIL, Friday, February 25, 1966

RETURN THANKS
BARRIS, Mr. & Mrs. J. Barris and family would like to thank all those who have written to them and also those who have sent them flowers and cards.

To Russia—with honour

Nikolai, the poet and hero, is

Vote of confidence for Chris

News in Pictures PAGE 7

To Russia with love...

VISION

AND A SOMBRE ESCORT OF GENTLEMEN
FROM THE ROYAL ARSENAL CO-OP

PICTURE
BY ANSTUPE
LOOSLEY

AN impeccable hearse, four impeccable undertaker's men, and a coffin... LEAVING Greenwith Cemetery. This is the start of a revolutionary's last journey from his child's grave to a place of honour in his own country.

Nikolai Ogarev, the poet whose dream was to free Russia of the Czar's oppression, wrote and thought himself into exile. He died 86 years ago. Now, his supporters here are to transfer his remains to a forth built for him and his friend Alexander Herzen on the spot near Moscow where they came to overthrow the Czar.

Four grave-diggers lifted the coffin from England and behind screens watched by the Russian Consul, Mr. Basilak, three Russian reporters and two leading lights of the Society for Cultural Relations with the USSR.

Two other men were there—Vladimir Lefkine and Sergei Malachuk, Russian authors whose "honoured duty" it is to see that Ogarev's remains arrive home safely.

Ogarev's coffin was packed in another coffin then loaded into the hearse (driven by the four top-hatted lackeys from the Royal Arsenal Co-operative Society) to be taken to Eltham Crematorium.

The ashes will lie in state at the House of Commons until Tuesday, when they will be taken to Moscow. Today the Embassy will hold a reception at Ogarev's honour.

According to Mr. Lefkine, Ogarev will get a hero's welcome when he returns to Russia—a Russia freed, as he wished, from Czarist oppression.

«В РОССИЮ — С ПОЧЕТОМ», «В РОССИЮ С ЛЮБОВЬЮ...»

Сообщения лондонских газет «Mercury» и «Daily Mail» от 25 февраля 1966 г. о возвращении праха Огарева на родину

Архив «Литературного наследства», Москва

ствительность, — со злом крепостного строя и его государственного стража — самодержавия.

Помещичья жизнь с детства открылась Огареву не с ее парадной, пышной стороны, а со стороны ее „ужасной подкладки“, хорошо известной крепостным рабам, потом и кровью которых скреплялось дворянское благополучие. Впоследствии Огарев говорил, что он „вырос на чувстве ненависти крепостного человека к барству“.

Необычайно раннее возникновение настроений протеста против мира крепостнического насилия, воздействие идеологии и подвига декабристов на первые ростки социально-нравственного самосознания Огарева определили дальнейшее направление его жизненного пути. Важнейшими этапами идейного движения юного Огарева явилась встреча с Герценом, возникновение их изумительной дружбы и особенно их клятва 1827 г. на Воробьевых — ныне Ленинских — горах в Москве. О том, чем стала в духовной жизни Герцена и Огарева эта знаменитая клятва, удивительные, незабываемые слова сказаны обоими ее участниками — первым в „Былом и думах“, вторым в стихотворении в прозе „Три мгновения“. Воспоминания Герцена о том, как „мы (<...>) присягнули, в виду всей Москвы, пожертвовать нашей жизнью на избранную нами борьбу“, общеизвестны. Но мало кто знает не менее замечательное свидетельство Огарева. Вот оно:

„Солнце уходило на Запад и лучами прощальными купалось в светлых водах реки величаво-спокойной... На высоком берегу стояли два юноши. Оба на заре

жизни смотрели на умирающий день и верили его будущему восходу. Оба, пророки будущего, смотрели, как гаснет свет проходящего дня, и верили, что земля ненадолго останется во мраке. И сознание грядущего искрой пробежало по душам их, и сердца их забились с одинаковой силой. И они бросились в объятия друг другу и сказали: вместе идем, вместе идем!

Так „на заре жизни“ начался совместный путь Огарева и Герцена в русскую революцию, путь, который был нелегок, но который они никогда не покидали, с которого никуда не сворачивали.

Насыщенная революционным, политическим содержанием, исполненная пафоса служения общечеловеческим интересам, тема клятвы на Воробьевых горах стала лейтмотивом всей жизни необыкновенных юношей.

Верность обету

...посвятить всю жизнь
Народу и его освобождению

и Огареву и Герцену пришлось вскоре доказывать непосредственно своими политическими биографиями, в испытаниях обрушившихся на них арестов, допросов, тюрем, ссылок, изгнания.

Огареву обстоятельства дали возможность подтвердить верность клятве и в другой сфере — материально-имущественной. Став после смерти отца обладателем нескольких тысяч крепостных душ и огромных пространств земли, Огарев первым делом поспешил избавиться от этой „тяжести наследного состояния“. Он отпустил на волю крестьян своего крупнейшего имения — села Белоомут Рязанской губернии — и передал им за ничтожный оброк все помещичьи земли. Столь необычный для эпохи, для ее политического быта поступок явился смелым вызовом всему крепостническому строю и привлек к Огареву враждебное внимание не только помещиков-крепостников, но и самого императора Николая I.

Революционно-патриотическая тема клятвы на Воробьевых горах звучала не только в политической биографии Огарева. Она во многом определила строй его поэтического творчества. Все оно проникнуто тоскующей любовью к своей стране и ее народу — многострадальному русскому крестьянству — и вместе с тем исполнено, по собственному определению поэта, „злости Робеспьера“ к угнетателям народа.

Лирика Огарева — лирика глубоких душевных диссонансов. В этом отношении она продолжала поэзию Лермонтова. В то же время это лирика обнаженных социальных противоречий и прямых политических обличений. И в этом отношении она была „мостом“, соединявшим поэзию декабристов и Некрасовскую „музу мести и печали“.

Чернышевский отводил Огареву-поэту „одну из самых блестящих и чистых страниц в истории русской литературы“. Столь высокая оценка, исходящая от вождя нараставшей в России народной крестьянской революции, учитывала, разумеется, такую важную особенность поэзии Огарева, как сращенность ее эстетической системы с элементами непосредственных публицистических суждений и оценок, исполненных прямых революционных призывов. Такой подход к огаревской поэзии совпадал с позднейшими характеристиками ее самим поэтом. В полупирической автоэпитафии для своего будущего „надгробия“ Огарев говорит о себе:

Был я добрым человеком
И писал свои стихи.
И писал их в духе бунта
Из стремленья люд менять,
Находя в стихах отраду,
В бунтах видя благодать.

А в жизни он говорил: „Если у нас явится новый Пугачев — я пойду к нему в адъютанты“.

Жизнь, события „общего“ и „личного“ надолго географически разъединяли Герцена и Огарева и в 1830-е, и в 1840-е годы и тем препятствовали выполнению их клятвенного „вместе идем!“.

Но вот в 1847 г., вырвавшись из тисков жандармского надзора, уезжает за границу Герцен; уезжает, чтобы высоко поднять там факел русской демократической мысли. А весной 1856 г. в Лондоне к нему присоединяется Огарев. Их встреча на „чужбине вольной“, как называл Огарев Англию, была не только событием в их личной жизни. Она знаменовала начало нового и важнейшего этапа в деятельности уже созданной Герценом к тому времени (1853) Вольной русской типографии — начало славного этапа „Колокола“.

Взволнованно, свежо, мажорно рассказывал Герцен в „Былом и думах“ об этой встрече и ее последствиях:

„...Наставало утро того дня, к которому стремился я с тринадцати лет <...> стремился везде и всегда, в том числе и разбитый, потерянный на английском берегу с моим печатным монологом. Солнце, садившееся, освещая Москву под Воробьевыми горами, и уносившее с собой отроческую клятву, выходило после двадцатилетней ночи... Какой же тут покой и сон... За дело!..“ Весной 1856 года приехал Огарев; год спустя (1 июля 1857 г.) вышел первый лист „Колокола“.

Известны ленинские слова: „Колокол“ <...> встал горой за освобождение крестьян. Рабье молчание было нарушено*». В этих словах — и характеристика и оценка Лениным выдающегося значения первой русской революционной газеты. Но лишь специалистам известно, что „Колокол“ был создан по замыслу не Герцена, а Огарева, хотя душу и силу „Колоколу“ дал, конечно, Герцен. По инициативе Огарева же, а не Герцена возникла и первая вольная газета для народа — „Общее вече“.

Блеск литературного таланта и самой личности Герцена ослеплял и долго мешал рассмотреть как следует стоявшую рядом более скромную фигуру Огарева.

Лишь в наши дни опубликование (в „Литературном наследстве“) ранее недоступных материалов из заграничного архива издателей „Колокола“ и новейшие исследования советских историков и литературоведов ярко осветили фигуру Огарева и позволили исторически осмыслить величину и значение вклада, внесенного им в дело подготовки русской революции.

Высочайшей вершиной на жизненном пути Огарева круто вздымаются знаменитые „шестидесятые годы“ — годы падения крепостного права, годы перехода освободительного движения от дворянского этапа к разночинскому, годы исторического перелома в жизни России, когда в обстановке небывалого обострения классовых противоречий в стране складывалась и сложилась революционная ситуация. Это тревожное и вместе с тем оптимистическое время «пролога» к ожидавшемуся „повсюдному“, т. е. всеобщему, крестьянскому восстанию Огарев провел вместе с Герценом в Лондоне. Глубоко проникнутый сознанием назревающей, хотя так и не совершившейся крестьянской революции, Огарев полностью отдается делу ее подготовки и организации. Он не только работает в „Колоколе“ — „работает, как вол“, по отзыву Герцена. Он широко разворачивает революционную агитацию и пропаганду во многих других изданиях Вольной русской типографии, а также в сфере непосредственного воздействия на многих из тех русских людей, которые „толпами“ устремлялись в те годы в Лондон. „Разве кто-нибудь знает, — говорил об этой стороне деятельности Огарева Герцен, — чем мы обязаны речам и личному влиянию этого человека?“ Он участвует вместе с Герценом и приезжавшими из России революционерами в создании тайного общества „Земля и воля“ (само название это взято из огаревской статьи „Что нужно народу?“) и принимает руководящее участие на всех этапах его деятельности.

За периодом мощного общественного подъема в России конца 1850-х — начала 1860-х годов следует срыв в реакцию середины 1860-х годов, когда оконча-

* В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, с. 12. — *Ред.*

тельно выяснилось, что на данном историческом этапе победила „реформа“, а не революция.

В 1867 г. прекращается издание „Колокола“, выходявшего с 1865 г. в Швейцарии, куда переехал и Огарев. В 1870 г. умирает Герцен. Это были тяжелые испытания для Огарева. Они ускорили естественное угасание его физических и творческих сил. Но вера в русскую революцию, хотя и отодвинутую историей в будущее, сохранялась, и Огарев продолжал работать для нее до конца своих дней.

Последние три года жизни Огарева прошли вновь в Англии. Отклонив предложения детей Герцена о переезде в Италию или Францию, он вернулся из Швейцарии туда, где протекли годы его работы с Герценом у станка Вольного русского слова. Он поселился сначала в Ньюкасле, а потом в тихом тогда Гринвиче — предместье Лондона — вместе с Мери Сатерленд — английской женщиной из народа, с которой уже многие годы была связана его личная жизнь и которую он любил удивительно высокой и чистой любовью. На руках у своей „преданной Мери“ Огарев и умер 12 июня 1877 г. При его кончине присутствовала вызванная из Парижа старшая дочь Герцена — Наталья Александровна. К ней — его любимой „Тате“ — были обращены последние слова Огарева. Это были слова о Герцене, и сказал их Огарев, перейдя с английского на русский язык. Похоронили его на небольшом тогда кладбище Шутерс Хилл, расположенном на возвышенности, господствующей над Гринвичем.

Двадцать один год — треть своего века — провел Огарев в эмиграции. Жизнь на чужбине была высочайшим революционно-патриотическим подвигом Огарева. Он пошел на этот подвиг ради борьбы за кровные интересы русского народа, ради его политического и социального освобождения. В стихотворении 1858 г. „Свобода“ Огарев писал:

Измученный рабством и духом унылый
Покинул я край мой родимый и милый,
Чтоб было мне можно, насколько есть силы,
С чужбины до самого края родного
Взывать громогласно заветное слово:
Свобода! Свобода!

Конечно, борьба, которую вели Герцен и Огарев, давала и удовлетворение, но заграничное жите все же всегда ощущалось ими как горькая необходимость и приравнивалось к ссылке.

Образ родины, России неотступно и до конца сопровождал Огарева в его жизни на чужбине. Незадолго до смерти в своей последней записке он рассказал, что ему приснилось, будто он „вернулся в Россию и приехал домой в свою деревню“ и как его „совершенно дружелюбно приняли крестьяне“. „Я проснулся, — закончил Огарев запись, — совершенно довольный моим сном... а Гринвич увидел озаренным блестящим солнцем и под ясным небом, как их давно не припомню“.

Не во сне, а наяву, в реальной действительности Огареву не дано было увидеть родину. Так же как и Герцен, он был подвергнут волею царя и его правительства „вечному изгнанию“ из пределов русского государства.

Духовно Огарев всегда жил в своей стране. Но лишь сегодня, почти через девяносто лет после смерти, пятьдесят лет после свержения самодержавия, он возвращается на Родину и „физически“ — возвращается пеплом своих останков, вчера кремированных в Гринвиче. Прах Огарева будет отныне вечно покоиться вот в этой бронзовой урне, отлитой здесь, в Англии.

Вместе с урной мы увозим с собой немного земли с могилы Огарева в Гринвиче. Пусть это будет материальным знаком связи Огарева с Англией и вместе с тем вещественным символом глубокой благодарности русского народа к земле и народу страны, где Герценом и Огаревым была создана первая русская революционная газета, знаменитый „Колокол“, чей набат, чье вольное слово сделали так много в деле борьбы русского общества с самодержавно-крепостным строем».

После С. А. Макашина выступает д-р Моника Партридж. Она говорит от имени английской общественности. Вот ее речь в переводе с английского:

«Уважаемый г-н Васев! Уважаемые дамы и господа! Я хорошо сознаю, что для меня это большая честь держать здесь речь от имени Англии. Но я выступаю не только потому, что это очень почетное для меня выступление. Мне думается, что Огарев сам бы радовался тому, что англичане, в стране которых он жил, работал и умер, вспомнили о нем в дни, когда его останки навсегда покидают Англию. Я верю, что и советские люди будут рады тому, что мы, англичане, вместе с вами выразим сегодня свое глубокое уважение одному из выдающихся деятелей русской культуры.

Современники, близко знавшие Огарева, были единодушны в признании удивительной чистоты и этики его личности. Он всегда глубоко сочувствовал всем страдающим людям. И мне кажется, что он стал революционером не только потому, что ненавидел царизм, но и потому, что любил человека. Он хотел прежде всего помочь своему народу, русскому народу, — и в самом деле помог ему. Но его отношение к Мери Сатерленд — простой, необразованной английской женщине из народа — показывает великую нежность и сострадание, которые он так искренне проявлял по отношению к человеку и людям любой национальности...

Огарев всегда и страстно хотел вернуться на Родину, в свою Россию. За несколько месяцев до смерти он писал П. Лаврову: „Заграничное жительство, сколько ни сладостно, я все же считаю ссылкой и сам не знаю, как и почему, хотелось бы на Русь“.

Нам же ясно, „как“ и „почему“ Владимир Лидин и д-р Сергей Макашин приехали в Англию, чтобы сопровождать прах Огарева при его возвращении на родину.

Мы гордимся тем, что Огарев приехал сюда, к нам. Мы гордимся тем, что мы можем добровольно и дружески передать Вам его прах, столь драгоценный для вас, который мы так долго и верно сторожили.

От имени Англии, от имени Мери Сатерленд желаю вам и Огареву счастливого пути».

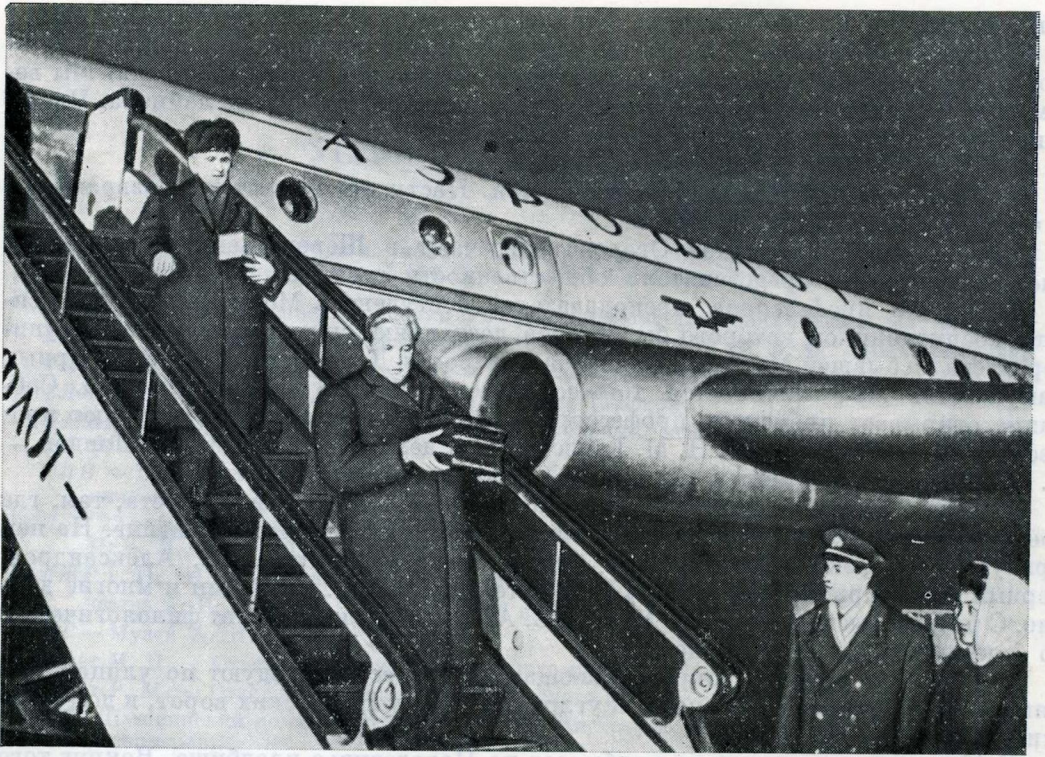
Речи и выступления слушают с большим вниманием, а затем корреспонденты и другие присутствующие задают вопросы, на которые и мы, и сотрудники посольства даем ответы.

«Огаревский прием» в советском посольстве дважды и довольно подробно передавался в тот же день по английскому телевидению.

Ряд газет, в том числе «Times», «Guardian», «Daily Mail», «Mercury» и др., поместили информацию о церемониях в Гринвиче и Лондоне и снимки этих церемоний. Газетные «шапки» к огаревским материалам отражали понимание английской печатью и общественностью смысла событий. Они гласили: «To Russia—with Love» («В Россию — с любовью»), «To Russia with Honour» («В Россию — с почетом»).

В субботу 26 февраля мы выступаем в лондонском Литературном институте (The City Institute) по его приглашению. Здесь мы вновь даем информацию о цели нашей поездки и отвечаем на обращенные к нам вопросы. Они относятся как к общим, так и частным аспектам жизни и деятельности Огарева. Больше всего аудиторию интересует (это было и в Гринвиче, и на приеме в посольстве), почему «богатый помещик и дворянин» Огарев «пошел в революцию», т. е. пошел против «своих» интересов. Группа участников беседы польского происхождения специально интересуется отношением Огарева к польскому вопросу вообще и к восстанию 1863 г. в частности.

В понедельник 28 февраля происходит церемония преподнесения Лондонскому университету привезенной нами из Москвы «огаревяны» — собрания поэтических, социально-философских и публицистических сочинений Огарева и трудов о нем советских ученых — Я. О. Линкова, М. В. Нечкиной, В. А. Путинцева, Е. Л. Рудницкой, Н. Г. Тараканова и Я. З. Черняка. Среди переданных книг были также двенадцать выпусков факсимильного издания «Колокола» и три герцено-огаревских тома «Литературного наследства». Книги преподносятся от имени Союза писателей СССР и общества «СССР — Великобритания». Нашу

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ. УРНА С ПРАХОМ ОГАРЕВА НА ШЕРЕМЕТЬЕВСКОМ АЭРОДРОМЕ

Советская делегация — С. А. Макашин и В. А. Лидин — спускается с трапа самолета

Фотография, 1 марта 1966 г.

«Огонек», 1966, № 10

делегацию принимают вице-канцлер Лондонского университета и главный библиотекарь. Дар принят с глубокой благодарностью и с выражением надежды, что он будет содействовать расширению знаний об Огареве среди английских славистов.

Значительное время было уделено поездкам по Лондону и его пригородам — с целью разыскать и сфотографировать дома и другие памятные места, связанные с деятельностью Герцена и Огарева в английской столице и с работой созданной ими здесь Вольной русской типографии. В этих поездках и в этих поисках приняла участие д-р Моника Партридж.

Вторник 1 марта был последним днем нашего пребывания в Лондоне. На аэродром урну Огарева провожают ответственные сотрудники советского посольства и представители фирмы «Royal Arsenal...». Министерство авиации Великобритании и администрация лондонского аэропорта, со своей стороны, выражают уважение к церемонии «прощания Огарева» с Англией. Машина с урной и сопровождающими ее лицами пропускаяется на аэродром, минуя паспортный контроль и таможенный досмотр, через особый, почетный въезд. По бетонным плитам аэродрома мы подъезжаем прямо к трапу самолета. Здесь нас вновь ждут представители печати и радио; здесь и даже в салоне лайнера делаются последние фотографии, даются и записываются последние интервью. Здесь же мы прощаемся с администрацией и работниками фирмы «Royal Arsenal...» и сотрудниками нашего посольства. И те и другие сделали многое для того, чтобы возвращение праха Огарева на Родину приобрело и в Англии подобающие этому событию значительность и торжественность.

В 12 часов дня по лондонскому времени, в 15 часов по московскому, наш ТУ-124 поднимается в воздух и всего через несколько минут пересекает государст-

венную границу Великобритании. Командир самолета В. Д. Гладилин, 2-й пилот В. М. Дунаев, штурман В. М. Кулик и другие члены экипажа проявляют большой интерес и внимание к миссии, которую выполняла наша делегация. Мы ведем урну в специально предоставленном для нас переднем салоне лайнера. Члены экипажа подходят к нам, просят рассказать об Огареве.

Через три с половиной часа мы в Москве.

«Вечное изгнание» Огарева оканчивается. Наступает момент его возвращения с чужбины на Родину, в Россию.

Урну с пеплом останков Огарева встречают в Шереметьевском аэропорту писатели, ученые, представители общественности столицы.

Делегация профессоров, преподавателей и студентов Московского университета, воспитанником которого был Огарев, доставляют урну в старое здание университета на бывшей Моховой. Сразу же, вечером, в Доме культуры гуманитарных факультетов МГУ начинается торжественное собрание памяти Огарева. Собрание открывает проректор профессор Н. И. Мохов. С речами выступают профессора Н. Г. Тараканов и Н. М. Гайденов, от делегации, ездившей в Лондон, — С. А. Макашин, с чтением стихов — Д. Кутультинов.

В среду 2 марта во дворе старого здания Московского университета, там, где сооружены памятники Герцену и Огареву, происходит массовый митинг. На нем присутствуют ректор Московского университета академик П. С. Александров, первый секретарь Правления Союза писателей СССР К. А. Федин и многие другие. С речами выступают Н. И. Мохов, С. А. Макашин и аспирант филологического факультета А. А. Смирнов.

...Машина с урной и сопровождающая ее процессия следуют по улицам, несущим имена Огарева и Герцена, к угловому дому у Никитских ворот, к дому, где жил Огарев.

К 12 часам дня процессия прибывает на Новодевичье кладбище. Вокруг того места, где устанавливается бронзовая урна на постаменте, — сотни людей. Среди собравшихся писателей — К. Федин, А. Твардовский, Г. Марков, А. Сурков, А. Безыменский. Присутствует первый секретарь посольства Великобритании в СССР Дж. А. Л. Морган.

Начинается митинг. Его открывает представитель Моссовета, директор Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина И. И. Кондаков, писатели Вл. Лидин и А. Сурков.

Под звуки Государственного гимна Советского Союза урна с прахом Огарева опускается в небольшое углубление в земле и замуровывается. Сверху вырастает насыпь из свежей земли. На нее возлагаются цветы и устанавливается мраморная доска. На ней надпись:

*Выдающийся русский революционер-демократ,
поэт Николай Платонович Огарев
1813—1877*

Новая, теперь уже постоянная, на родной земле могила одного из издателей «Колокола» находится напротив бывших Воробьевых, ныне Ленинских, гор. Она находится почти напротив того места, тех «святых холмов Москвы», где на заре своих дней Огарев и Герцен поклялись «посвятить всю жизнь народу и его освобождению...».

В 1970 г. над могилой Огарева поставлен памятник.